

**Пятый Всероссийский конгресс политологов
Москва, 20-22 ноября 2009 г.**

**ИЗМЕНЕНИЯ
В МЕНТАЛЬНОМ СОДЕРЖАНИИ МОДЕЛИ ГРАЖДАНИНА
НАЦИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА МОДЕРНА**

Ирина Борисовна ФАН

кандидат философских наук,
старший научный сотрудник, отдел философии,
Институт философии и права УрО РАН,
Екатеринбург

Доклад представлен на Пятый Всероссийский конгресс политологов.

Сессия:

СЗ-3 «Человек и гражданин в политике эпохи Модерна»

21 ноября 2009 г.

Изменения модели гражданина модерна являются частью социально-политических и культурных трансформаций XX – начала XXI веков, которые находят отражение в политических концепциях, осуществляющих рефлексии тех или иных социокультурных оснований модели общества и государства модерна. Однако есть противоречие между происходящими изменениями и теми категориями, в которых эти изменения осознаются, между концом Модерна, который фиксируется несколькими направлениями философской и политической науки, и модернистской парадигмой, все еще задающей рамки для объяснения происходящего.

Сначала отметим основные особенности модели гражданина как субъекта гражданского общества и национального государства западноевропейских стран эпохи Модерна. Мы выражаем их с помощью каталога структурно-семантических бинарных оппозиций. Данная модель стала способом структурирования общества и власти, обеспечившим формальную вовлеченность массового индивида в их функционирование. Эта модель включает ментальное, институциональное и личностное измерения. Теоретические основы модели были выработаны в философской, политической и правовой мысли XVII–XIX вв. В целях определения политико-правового статуса личности в государстве были проработаны понятия человека, личности, подданного, гражданина, частного лица, субъекта права, буржуа, гражданского общества, правового государства. Идеи Локка, Канта и Гегеля стали теоретической основой гражданского этоса, источником развития законодательства (конституций и гражданских кодексов, зафиксировавших конституционный и частноправовой статусы гражданина) и системы институтов политики и права. Духовное господство над собой - способность к самоорганизации, самоуправление индивида-личности, дает моральную и правовую основу для наделения индивида (многих) достоинством гражданина и правом участия в политическом господстве. «Добродетель» (этос, политическая и правовая культура) гражданина как результат самовоспитания и самодисциплины является источником легитимации власти в системе представительной демократии, новой формой господства/подчинения. Она включает: доверие индивида к обществу (солидарность) и готовность к деятельному участию в организации и функционировании институтов местного самоуправления и политического представительства на уровне государства; доверие граждан к государству, его законам и политико-правовому порядку - лояльность, политическое и правовое сознание, активность и законопослушность,

патриотизм и предпочтение Общего блага личному. Этнос гражданина – и стихийный продукт развития культуры, и результат идеологического воздействия со стороны власти. Альтернативные политические силы и идеологии создавали разные версии гражданственности – либеральную, консервативную, марксистскую, социал-демократическую и др. Признание автономии личности и суверенитета гражданина позволило символически и отчасти реально наделить массового гражданина политической властью. Институциональной функцией гражданина считается участие в делегировании собственной власти «представителям», а культурной функцией – участие в процессе легитимации власти, осуществляемой нацией. Лояльность гражданина к государственной власти была обеспечена обменом полученных избирательных прав на его обязанности. Произошло разделение и взаимное ограничение частной и публичной, экономической и политической, правовой и моральной, религиозной и светской сторон жизни гражданина, но и соединение его ипостасей – как частного и публичного лица, члена гражданского общества и государства и носителя национальной культуры.

Двойственность западноевропейского этоса гражданина («гражданской религии») обусловлена лежащим в его основе национализмом, его обращенностью и к нации как общности граждан, и к отдельному ее члену, и выражается оппозицией нация /гражданин. Он возникает в эпохи революций, гражданских и национально-освободительных войн, исторически ограничен циклом развития и угасания. Политическая культура гражданской нации¹, или комплекс индивидуального и национального самосознания, включает когнитивные, аффективные, оценочные и поведенческие компоненты и установки, формально-рациональное и чувственно-эмоциональное восприятие гражданской нации и гражданина, сознание и чувство их идентичности.

¹ К культуре народа Ф. Фукуяма относит чувство национальной идентичности, религию, социальное равенство, склонность к образованию гражданского общества и исторический опыт наличия либеральных институтов (Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек / Ф. Фукуяма; Пер. с англ. Б. Левина. М., 2004. С 333); Политическую культуру нации Г. Алмонд определяет как «распределение образцов ориентаций относительно политических объектов среди членов нации». Ориентации относятся к интернализированным аспектам социальных объектов и отношений и включают: 1) когнитивные ориентации, т.е. знания и веру относительно политической системы, ее ролей и обязанности относительно этих ролей...; 2) «аффективные ориентации», или чувства, относительно политической системы, ее ролей, ее работы и вовлеченных в нее людей; 3) «оценочные ориентации», суждения и мнения о политических объектах, которые обычно представляют из себя комбинацию ценностных стандартов и критериев, информации и чувств (Г. Алмонд. Гражданская культура. Политические установки и демократии пяти наций // Политология: хрестоматия / Сост. проф. М.А. Василик, доц. М.С. Вершинин. М., 1999. С. 561)

Ощущение нации как круга своих возникает в противоборстве идеологии интеграции (сознания национально-государственного единства граждан) и изоляции (этнонационализма и ксенофобии). Содержание социальной роли гражданина Модерна составляет комплекс предписаний и норм, требующих от индивида обеспечить его господство над собой: к самоконтролю и рефлексии, самоограничению и самопринуждению; упорядочиванию и рационализации инстинктов и эмоций и соподчинению мотивов во внутреннем «Я» личности; ценностному выбору и целеполагающей деятельности; рациональному расчету буржуа во всех сферах жизни, развитое гражданское сознание; приверженность моральным обязательствам и долгу. Исполнение роли гражданина зависит от степени автономии личности.

Реализация гражданского этоса обусловлена зрелостью институциональных условий существования гражданина: формированием публичного (конституционного) статуса гражданина (как гарантии соблюдения его статуса как частного лица) и разграничением конституционного, государственного и гражданского права. Исторические предпосылки этого - развитие местного самоуправления, формирование наций-государств и их институциональной структуры (государственного суверенитета, территориального самоопределения и конституционного строя), обособление государства и гражданского общества. Институты производственно-профессионального и территориального самоуправления, гражданские ассоциации были способами развития форм и традиций участия горожан в управлении городом, гражданской культуры и ментальности, публичной субъектности граждан. Формирование конституционного устройства, правового государства и демократического политического режима в Европе, в том числе политической конституции как строя государства и системы норм действующего права, зафиксированных в виде юридической конституции (основного закона) государства, происходило в противоборстве тенденций к изоляции/ интеграции во внешней политике, авторитаризму и либерализму, эгалитарного/ элитарного, централизации/ децентрализации и революции/эволюции во внутренней политике.

Под влиянием демократических революций XIX в., подъема национализма и распада колониальных империй государство и гражданство формировались как институты, сопряженные с политическим пониманием нации, а не человечества, и трансформацией ранних государств Нового времени в демократические

республики. Государственный суверенитет европейских наций был зафиксирован в понятии нации-государства как «состояния» – устойчивой территориальной политической системы, взаимодействующей с динамичным гражданским обществом. Единство нации складывалось на основе общего происхождения, истории и культуры, а также политического синтеза этнокультурной, территориальной (экономической) и коммуникационной систем. В результате для гражданского общества был сформирован единый правовой режим, для государства – установлены границы, территориально определяемая национальность (институт гражданства/подданства), административный аппарат, политический и погранично-паспортный режим. Понятие нации приобрело политический смысл нации-государства – государственно организованного общества, строящегося на основе принципа политического равенства граждан и стандартов доминирующей – либеральной политической культуры. Во внешнеполитическом плане граждане нации-государства (свои) оказались противопоставлены инородцам и населению других стран (чужим), а представители западной цивилизации – «нецивилизованным народам». Цивилизаторская миссия гражданина западных стран исторически оборачивалась экспансией и колонизацией.

Либеральное правовое государство формировалось путем разрешения проблемы соотношения народного суверенитета и государственной власти, или проблемы соотношения гражданского общества и государства. Их взаимному обособлению способствовала выработка (Ж. Боден, Г. Гроций, Б. Спиноза, Т. Гоббс, Дж. Локк, Ж.-Ж. Руссо, И. Кант, Г.Гегель) и реализация концепции конституционно-правового строя в большинстве стран Западной Европы, утилитаристской программы либерально-демократических преобразований общества и государства И. Бентама, теории многоуровневой децентрализации власти Б. Константа.

Новые способы медиации в оппозициях господство/подчинение, свои/чужие, и эгалитарное/элитарное для решения проблемы институционального осуществления народного суверенитета (господства нации) – в виде представительной демократии, был предложен в ряде теорий, составивших фундаментальные принципы идеологии либерализма: разделения властей и верховенства конституционно-правового закона над государством, центральной роли законодательной власти (Дж.Локк, Ш. Монтескье), представительного правления и парламентаризма (Ф. Гизо, Дж. Ст. Милль), системы сдержек и

противовесов (Дж. Мэдисон). Параллельно выработывались институты, механизмы и практики народного суверенитета, представительства, демократической республики, ориентированной на реализацию политических свобод личности, светского и социального государства. Система институтов представительного правления, сочетающая иерархию институтов партисипаторной, делиберативной и иных форм демократии с институтами прямого народовластия, разделения и децентрализации власти, федерализма и местного самоуправления, стала способом ограничения и тирании народных масс, и деспотизма элит. Ее дополнили партийные системы, механизмы лоббирования, социальные движения, профсоюзы, гражданские инициативы и т.д.

Одним из центральных институтов, связанным со всей системой действующего права и ограничивающим государство, стало гражданство. Его функции - определение состава членов и структуры данного государства, установление политического и правового режима государства как системы реализации конституционного статуса гражданина. Организация государства на основе принципа демократического участия вытеснила статус подданного и привела к формированию статуса гражданина и института гражданства, способствовала интеграции населения в нацию и правовое государство. С переходом к демократическому правовому государству гражданство превратилось в приобретаемое коллективное «членство граждан, участвующих в осуществлении политического господства» (Ю. Хабермас). По нашему мнению, национальное гражданство выполняет двойственную политическую роль: будучи символическим средством объединения нации, оно служит дифференцирующим инструментом распределения власти между населением (различия в статусе граждан, иностранцев, апатридов и т.д., в способах приобретения и прекращения гражданства), устанавливает политическую привилегированность лиц, обладающих правами гражданства в конкретном государстве, перед остальным населением. Специфику социокультурных оснований и механизмов легитимации демократического - легального типа господства (М. Вебер) и структур принятия политических решений составляют: нацеленность на рациональную и прагматическую структурно-функциональную дифференциацию и смешение отношений и форм господства и подчинения (политического, экономического, информационного), утрата абсолютного, персонализированного характера и непосредственной связи с прямым насилием, смена его безличными институциональными формами (руководство/ исполнение), перенос модели

господства-подчинения, действовавшей до эпохи буржуазных революций внутри абсолютистских государств, на внешние, межгосударственные отношения (и на мигрантов), противоречие формального (по праву, закону, конституции) и реального политического и правового равенства и субъектности между элитами (политическим руководством) и рядовыми гражданами внутри государства-нации. Вся совокупность демократических институтов и ценностей одновременно и ограничивает, и воспроизводит социальное и политическое неравенство. Фактически представительная демократия является иерархической структурой участия и соподчинения граждан, степень которого определяется доступом к политической информации, экономическим и иным ресурсам. Это система господства обращена вовне и внутрь общности, способна к интеграции и изоляции, пронизывает все уровни – от индивидуального до группового и социетального. Новая медиация частного/публичного на разных уровнях социального в институциональной сфере была осуществлена и в религии, морали, праве, политике, и в жизни отдельной личности - в виде соотношения ролей частного и публичного человека. Произошли дифференциация публичного пространства на сферу публичного и частного («дома» и «улицы»), а также законодательное и практическое взаимоограничение публичного и частного, естественного (субъективного) и позитивного (объективного, государственного) права, государства и гражданского общества. Установились юридическое равенство, человеческая свобода, политический суверенитет и частная автономия гражданина. Была выстроена система политической социализации личности, «подгоняющая» семью, образование, массовую культуру и досуг под цели производства среднего «морального» гражданина, исправно выполняющего свои функциональные обязанности.

Становление и социокультурная динамика феномена гражданина Модерна определяется взаимодействием культурных и институциональных его измерений, или циклично-поступательным взаимопереходом ценностного содержания этоса гражданина, бытующего в массовой и индивидуальной ментальности, в систему институтов представительной демократии. Общественное мнение, публика и пресса, вовлекающие личность в сферу публичной политики, выступали в качестве каналов, опосредствующих и обеспечивающих этот взаимопереход, то есть воспроизводство феномена гражданина. Гибкая, динамичная, активная, даже агрессивная модель гражданина Модерна на протяжении трех столетий служила средством самосохранения и адаптации западноевропейских и американской

наций-государств к окружающему миру путем прямой (военной) и косвенной (экономической, культурной, информационной) экспансии.

Тенденции изменения модели гражданина Модерна мы выражаем, моделируя динамическое соотношение полюсов структурно-семантического каталога бинарных оппозиций.

В XX в. были выявлены наиболее глубокие основания, противоречия и культурно-исторические рамки модели гражданина Модерна. Осмыслению и критике был подвергнут и либерализм – и как основа духовно-практической, политической и правовой культуры общества Модерна (со всем комплексом его фундаментальных принципов, включая рационализм и индивидуализм), и как идеология, содержащая национализм. Духовным основанием западноевропейской культуры, по М. Хайдеггеру, является метафизика, абсолютизирующая человека как самотождественного субъекта и субстанцию всего сущего, включая его Я, самость, самосознание, его самообоснование в качестве основания истины, самозаконотворчество, самообязывание и самоуполномочение на власть. Обратной стороной метафизики воли к власти, неограниченной свободы и саморазвития человека ради «мирового господства» является превращение им себя в средство достижения цели – в сверхчеловека (Ницше) или массу. Мера бытия мыслящего субъекта (математический расчет, машинообразность всего производимого человеком, включая самовоспроизводство – воспитание и самодисциплину) подчиняет все сущее. Мировоззрения и идеологии XX в., сосредоточенные на механизмах достижения и сохранения власти, пытались производить массу по типу сверхчеловека. Сфера политики (демократия) стала «машиной» политического господства элиты над массами, трансформирующей и реально, и формально управляющих ею граждан в подчиненные ей функции и элементы. Традиция философского исследования кризиса европейской культуры, самосознания, нигилизма и социального отчуждения человека представлена К. Марксом, Ф. Ницше, О. Шпенглером, З. Фрейдом, Г. Маркузе, Э. Фроммом, В. Франклом, Ж. Лаканом и др. В рамках постмодернизма и постструктурализма зафиксирован кризис парадигмы самотождественного субъекта эпохи Модерна. Стала очевидной суть заключенного в ней отношения человека к миру как объекту власти и к себе как лишь телесно-психической («антропологической») данности². Логика эволюции

² Хайдеггер М. Европейский нигилизм // Проблема человека в западной философии: Переводы/ Сост. и послесл. П.С. Гуревича; Общ. Ред. Ю.Н. Попова. – М.: Прогресс, 1988. С. 310.

индивидуализма как основы политической системы представительной демократии Модерна, изменение самого субъекта и представлений о его самоидентификации порождают кризис этики гражданина и воплощающей его системы политических институтов.

Фокусом критики со стороны представителей постмодернизма являются метафизические основы культуры модерна, классической парадигмы в социальных науках – принципы рационализма, утрачивающие способности легитимации существующего социального порядка. Определенные положения этой критики касаются политической культуры модерна как неотъемлемой части культуры данной эпохи. Факт всесторонней критики отражает произошедшие в культуре существенные трансформации. Какие из этих сдвигов улавливаются постмодернистами? Постмодернистские исследования фактически являются расшатыванием, «деконструкцией» оснований метафизики Модерна, в ходе которой проясняется их суть, ограничения и следствия. Во всем спектре позиций постмодернизм выражает ироническое, скептическое, пронизанное релятивизмом отношение к проекту Просвещения, его претензиям на универсализм и освобождение людей. Объектом критики выступают основополагающие категории нарратива Модерна – «реальность», «человек», «история». Критическому анализу подвергается концепция истории, присущая философии Просвещения, которая утверждает порядок, единство, тотальность, закрытость, тождество социальных явлений, прогрессивную нацеленность истории к самосовершенствованию человека, и которая исключает из истории различие и гетерогенность, осуществляя «акт насилия для репрессии плюральности, беспорядка, изменчивости»³. Постмодернизм понимает историю как открытое пространство бесконечных трансформаций и интерпретаций, как процесс, не имеющий цели, хаос случайных событий.

Идеал Просвещения включает признание нормативности человека как некоего центра мира. В постмодернизме утверждается мысль о «децентрированности» человека, о необходимости пересмотреть представление о человеке как автономном, самоосознающем индивиде, характерное для модерна. М. Хайдеггер выдвигает тезис о деструкции субъекта (в «Преодолении метафизики», «Письме о гуманизме»), М.Фуко – о децентрации субъекта («Слова и Вещи»), постструктуралисты предлагают тезис о деконструкции субъекта. С их

³ Керимов Т.Х. Постмодернизм // Современный философский словарь / Под общей ред. В.Е. Кемерова. Лондон / «ПАНПРИНТ», 1998. С.670.

точки зрения попыткам человека установить рациональный порядок препятствует желание, бессознательное человека. По мнению Делеза и Гваттари, на место человека как субъекта приходят «машины желания», по мнению Батая, Лакана, Деррида и других – «Другой», бессознательные результаты насилия, требуемого для установления так называемого человеческого порядка. На самом деле человек как социальное, а не трансцендентальное явление, не обладает привилегированным положением. По мнению Фуко, человек – элемент биовласти как господствующей в современных западных обществах формы власти, функционирующей с помощью исповедальных и дисциплинарных практик.

Любое единство, однородность субъекта, разума, реальности, в том числе и однородность нации, достигается насилием и со стороны власти и практиками дисциплинирования. Репрессированное – различие, многообразие, гетерогенность, бессознательное (вместо сознательного, разума), так или иначе возвращается. Постмодернизм подвергает критике представление о единстве и самоидентичности субъекта и вводит представление о гетерогенности и хаосе, внутренней множественности человека, о его внешней и внутренней фрагментации и дифференциации. Он подрывает власть дискурсов, легитимирующих социальный и политический порядок и составляющие его институты, в том числе государство, нации. Акцентируется гетерогенность, изменчивость, неравновесность любых социальных явлений и отрицается их тождественность себе, неизменность, равновесие.

Постмодернизм обвиняет гуманитарный дискурс за выполнение им функции легитимации властных структур. Он против унификации и гомогенизации общества, против тотального и единого социального порядка, основанного на подчинении фрагментарных локальных инстанций и субъектов. В постмодернизме подчеркиваются неопределенность, фрагментарность, безличность, поверхностность, делегитимация основных законов общества, деканонизация всех канонов и официальных условностей. В поле деканонизации оказывается, на наш взгляд, и ментальное содержание модели гражданина Модерна, этос гражданина и составляющие его элементы – добродетели гражданина, его самоидентичность, автономия, его функции легитимации системы представительной демократии. Личность – одно из оснований модели гражданина Модерна. Постмодернизм фиксирует необходимость отказа от традиционного «я» и приветствует стирание личности, ее внутреннюю дифференциацию и фрагментацию, появление множественности «я».

Постмодернизм указывает на определенные тенденции в культурных практиках и самосознании Запада и сам осуществляет эти изменения, пересматривая основания европейских культурных традиций, связанных с прогрессом как идеалом и схемой истории, прогрессирующей рационализацией мира, осуществляя переоценку либеральных ценностей как эталона устройства общества и государства. Все модернистские представления оказываются под сомнением и огнем критики. Идет смена познавательной парадигмы: пересмотр статуса субъекта как центра и источника системы представлений. Место субъекта занимают различные безличные структуры.

Исследования М. Фуко посвящены выявлению архетипической природы власти. Его понимание политики, властных отношений как войны⁴ служит подтверждением нашей идеи об инвариантном характере оппозиций господство/подчинение и свои/чужие. Исследуя исторические формы власти, М. Фуко обращается к микромеханике власти, к многообразию форм, техник и практик господства и подчинения, свойственных разным эпохам. Выявляя изменчивость форм и характера власти, М. Фуко находит неизменной ее суть. Специфику легального типа господства, установившегося в эпоху Модерна, он видит в том, что это тип «дисциплинирующей власти». Новая механика власти состоит в использовании права в качестве способа и процедур подчинения людей, замещающего войну⁵. Демократизация суверенитета, соотношение коллективной суверенности нации и суверенных прав каждого гражданина в конструкции государства – основной политический способ дисциплинирования, подчинения, «дрессировки» индивида наряду со многими другими формами подчинения, с помощью которого индивид оказывается субъектом действия, подчиненным системе⁶. Но подчиненным не исключительно внешним образом, но внутренним, ментальным. М. Фуко утверждает, что главная функция нации в Новое время состоит не в господстве над другими нациями, но в «умении управлять собой» через управление индивидом. Это подразумевает манипуляцию общественным и индивидуальным сознанием. М. Фуко называет это процессом этатизации нации⁷. Развивая его мысль, можно сказать, что здесь организация государства осуществляется посредством многообразных, меняющихся и все более изощренных микротехник ее самоорганизации, управление - посредством

⁴ М. Фуко. «Нужно защищать общество». Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975-1976 учебном году./ Пер. с франц. СПб., 2005. С.35.

⁵ Там же. С.46, 55.

⁶ Там же. С.60-61.

⁷ Там же. С.237.

самоуправления, то есть вовлечения в этот процесс массового индивида. Требуя от индивида господства над собой, современное общество ввергает его в бесконечный процесс самодисциплинирования, хроническую войну с собой. Параллельно и вся нация вовлекается в эту войну с собой, которая и составляет основу социальной структуры общества. Средством служит здесь развитие техник власти над индивидуальным телом и духом в целях увеличения полезной силы индивида, направленной на поддержание целого. Мотивация человека на систематическое самоуправление, самодисциплину, самосовершенствование всеми возможными в наличном контексте средствами – через религию, мораль, право, медицину, психологию составляет причину эффективности такого типа власти. М. Фуко обнажает одну из основ власти модерна – технологию подчинения индивида путем установления в культуре и обществе образца человека, стремящегося к «добродетели» как господству над собой. В обществе постмодерна такой образец человека становится ненужным, излишним, поскольку требует чрезмерных духовных и организационных усилий всего общества и поскольку возникают новые способы подчинения человека. Изменения гражданского этоса являются следствием не только его собственного развития, но и влияния новых технологий и практик власти. В их центре – не образ автономной самождественной личности, а образ изменчивого человека, обладающего фрагментированным сознанием, необычайной реактивностью и гибкостью, человека как «машины желаний» (Ж. Делез и Ф. Гваттари), как потребителя. Причем, не только материальных вещей и предметов, но потребителя в обобщенном смысле - человека как объекта манипуляций, поведение которого программируется рекламой, СМИ и стоящих за ними подлинных субъектов власти.

Нынешний этап развития техники и технологии, в первую очередь, в сфере властвования, связан с процессом символизации предметов потребления, ведущего к сознательному формированию идеала потребления и его носителя, субъекта, превращаемого в объект, в нечто зависимое от все новых символов. Техника и технология проникают в область осознанного воления, предписывает массовому индивиду, как действовать, к чему стремиться, как жить, задает тип отношения человека к миру. Появляются новые «изысканные» информационные технологии, формы властного фетишизма, господства и подчинения человека. Новые репрессивные практики, применяемые субъектом информационной власти, становятся все более опосредованными электронными и иными СМК, все более

развлекательными, искушающими, игровыми. Человеку с телеэкрана внушают полную свободу воли и действий, но оказывается, что он «хочет» и делает то, что ему подсказывает субъект информационной власти – анонимный «Великий Никто». Свобода оказывается иллюзорной. Не господства над собой, не самодисциплины требует этот Никто, он стимулирует в человеке потворство собственным желаниям. Безграничность объектов желания и способов их удовлетворения открывает пространство и перспективы бесконечного управления потребностями индивида. СМК, телевидение и информационные технологии становятся глобальным фактором трансформации культуры и личности, ответственным за фрагментацию персональной идентичности.

Изменения в ментальном измерении модели гражданина Модерна концентрируются вокруг проблемы воли индивида и связаны с дифференциацией рационального и иррационального, индивидуального и социального, публичного и частного, эгалитарного и элитарного, активного и пассивного начал в мотивациях и политическом поведении индивида, а также с отказом массовой личности от автономии воли, свободы, самостоятельности и ответственности, с установлением отчужденно-принудительной связи людей в государстве. Роль гражданина государства в структуре социальных ролей личности оттесняется ролью потребителя, «человека массы», наполняется содержанием и меркой частной жизни. Публичная сфера утрачивает характер неличностного действия, наступает «конец публичной культуры» (Р. Сеннет), «идеология интимности» задает образец общественной добродетели, политика редуцируется к психологии. В социальных отношениях преобладают нарциссизм, индивидуальное (благо, интерес) над социальным, отсутствуют нормы публичности. Национально-государственные и классовые формы идентичности и солидарности вытесняются локальными. Местный деструктивный патриотизм становится фактором организации семьи, школы, соседской общины, квартала или этнической группы, и дезорганизации города и государства. Но и индивидуальное фрагментируется: формируется тип слабовольной, изменчивой, аморфной, погруженной в себя личности, утратившей веру в публичность; ее самосознание расколото конфликтом между чувствами и разумом, побуждениями и действиями. Индивид утрачивает навыки отстранения от собственных желаний, моделирования отношения к власти и политического поведения, публичной игры и участия, самоорганизации, способность бросить вызов силам господства и неравенства. Граждане превращаются в пассивных зрителей массовых шоу, разыгрываемых

политическими «героями». Параллельно развивается кризис лояльности как основы гражданской ментальности нации, легитимирующей политические структуры либерального государства. Он вызывает тенденции дезинтеграции государственных структур, ставит под сомнение нацию как политическую общность, актуализирует проблему устойчивости социокультурных оснований политической культуры нации под напором культуры и традиций мигрантов. Гражданин утрачивает качества активного субъекта политики и становится формальной функцией политической системы.

Политические концепции XX века выявили противоречивость национальной и гражданской идентичности Модерна и тенденции их изменения. Формирование нации и возникновение национализма связано с образованием исходных представлений об идентичности тех, кто формирует нацию, о принципах формирования института гражданства. Национальная идентичность всегда складывается в ходе конфликта - идей и армий, в захватнических и/или гражданских войнах. В истории любого либерально-демократического государства можно найти дискуссию (и/или войну) о принципах формирования государственности, подтекстом которой является проблема национальной идентичности или определения круга граждан.

По мнению И. Валлерстайна, институт гражданства служит механизмом вовлечения новых претендентов в политический процесс, в процесс реализации частногражданских и публичных прав, и одновременно – механизмом исключения из него определенных категорий населения. Идея гражданства «по самой своей сути всегда сочетает в себе понятия включенности и исключенности»⁸. Для легитимации процедуры исключения в самом механизме гражданства заложена культурная матрица дифференциации и классификации людей. Модель национального гражданства сталкивается с серьезными вызовами и со стороны «мультикультурализма» внутри государств, и со стороны процессов глобализации в современном мире. Глобализация А. Гидденсом определяется как уплотнение сети всемирных связей, которое имеет своим следствием взаимовлияние местных отдаленных событий⁹. Глобализация дезорганизует внутреннее единство города, социального класса, нации, организуя локальные идентичности групп (семьи, школы, этнической общины), и создает основы для наднациональных форм консолидации типа Европейского Союза. Национальные

⁸ Валлерстайн И. Конец знакомого мира. Социология XXI века. М., 2004. С.160

⁹ *Giddens A. Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age. Cambridge, 1991. P. 64.*

государства уже не могут в достаточной степени контролировать наднациональную глобальную экономику. Феномен нового «низшего класса», порождаемый усилившейся миграцией рабочей силы, распространяется из стран «третьего мира» на центры «первого». Возникают очаги потенциальных и реальных внутригосударственных конфликтов между «низшим» классом мигрантов и «средним» слоем постоянных граждан. В результате утрачивается социальное и политическое единство населения в национальных государствах, составляющее основу их конституционного устройства, в том числе и конституционный статус гражданина, и подвергаются эрозии институты и формы реализации прав граждан. С. Хантингтон предупреждает о том, что назревает глубинный конфликт «между высоким уровнем национального самосознания общества и не менее высокой степенью, в которой элиты денационализированы и привержены космополитическим, субнациональным и транснациональным ценностям»¹⁰. Ценностные и идеологические различия между «патриотической публикой» и «денационализированными элитами» свидетельствуют о фактическом функционировании «непредставительской демократии» и чреват утратой общественного доверия к правительству.

В современной политической философии обсуждаются дифференциация и транснационализация (глобализация) как основные тенденции в эволюции гражданства. Экономическая и иные формы глобализации связаны с открыванием и интеграцией национальных государств, ослаблением их контроля за наднациональной экономикой, возникновением новых форм дифференциации, конфигурации элит, социальной поляризации между элитами и населением. Миграция приобретает характер транснационального явления и трансформирует направляющие и принимающие общества, приводит к транснационализации форм членства в них и разрушению жесткой связи жителей с территорией и гражданством конкретного государства.

По мере происходящих изменений исследователи все чаще приходят к осознанию зависимости функционирования институтов и практик современной демократии от политической культуры граждан. С конца XX в. в западных странах активизировались «новые социальные движения», требующие «признания идентичности» подчиненных меньшинств, обладающих расовыми, этническими, религиозными, гендерными и т.п. культурными отличиями от

¹⁰ Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М., 2004. С. 506-507.

большинства населения. Сомнению подвергается «универсализирующая» функция института гражданства. Культурные различия детерминируют такую реализацию прав и свобод гражданина, которая порождает систему социального неравенства. Культурный партикуляризм с характерным для него требованием «политики различий» («политики идентичности», «мультикультурализма», «дифференцированного гражданства», «особых прав меньшинств») ставит перед необходимостью исследования правомерности притязания либеральных демократий на универсальный характер института гражданства, поскольку его функционирование опирается на локальную политическую культуру европейских государств. В условиях консервативной иммиграционной политики европейских стран 1980-90-х годов мультикультурализм стал идеологией иммигрантов, компенсирующей невозможность решения проблем неравенства, дискриминации, социальной изоляции и отсутствия политических прав. Он направляет поиски самоопределения этих групп не в политическую сферу, а в сферу культуры. Оспаривая основные элементы идеально-типической модели гражданства западного национального государства - единство места жительства, административного подчинения, демократического участия и культурной принадлежности, они выступают за плюрализацию и равенство культурных идентичностей, централизацию административного единообразия и создание множества правовых и полномочных иерархий, за передачу демократической власти регионам или группам, за ослабление связи между длительным проживанием на определенной территории и гражданской ответственностью¹¹.

В рамках постлиберального дискурса гражданства в 1990-е годы прозвучали идеи «транснационального» и «глобального» гражданства (Р. Баубек, Э. Балибар, У. Брубейкер). Они провозглашают отказ от принципа индивидуализма во имя принципа культурного и национального равенства, переосмысленного в духе мультикультурализма. Обнаружив изначальные противоречия национального гражданства за новыми формами, постлибералы констатируют факт утраты национальным гражданством своего эгалитарного смысла и превращения «из инструмента расширения сферы политического участия в обществе в своеобразное институциональное орудие различения «своих» (полноправных граждан) и «чужих» (жителей страны, занятых в

¹¹ Бенхабиб С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру. М., 2003. С. 216

производстве, но исключенных из политического сообщества)¹². Вследствие этого внутри нации возникает новое разделение на господствующих и подчиняющихся, обусловленное этническим происхождением иммигрантов.

Сторонники мультикультурализма заявляют об отказе от универсального набора прав гражданина и предлагают дифференцированный подход предоставления из полного набора прав гражданина разных групп прав различным категориям людей. Если в XIX–XX вв. главной целью социальных движений было признание их политических прав («активного гражданства»), то к концу XX в. выяснилось, что избирательные права не всегда востребуются и реализуются. Модель гражданства модерна строилась на идее необходимости обеспечения гражданам равного доступа к участию в управлении государством. Институт гражданства был механизмом нивелирования различий при включении в публичную сферу. Речь шла о моральных и этических различиях в рамках единой западноевропейской культуры как системы либеральных и демократических ценностей. Эффективным способом решения проблемы считалась процедурная справедливость, базирующаяся на «нейтральном отношении» к различиям в публичной сфере (Р. Дворкин). В гражданстве отрабатывались в основном институциональные механизмы достижения равенства. «Новые социальные движения» переориентировали внимание исследователей на проблему социокультурной основы института гражданства и всего здания системы представительной демократии. Встала проблема минимальных культурных требований либерально-демократической политической системы к представителям других культур, претендующих на гражданство, то есть требований к человеку или группе, касающихся их способностей выполнять функцию (роль) гражданина. Минимальным условием функционирования либеральной демократии считается лояльность граждан собственному государству.

Мультикультуралистский и транснациональный характер сообществ свидетельствует об ослаблении способности национальных государств выполнять функцию социального включения потенциальных граждан, а также фрагментации идентичности и солидарности¹³. Б.В. Межуев ставит проблему наличия корреляции между «транснационализацией» гражданства и его

¹² Брубейкер У. Цит. по: Межуев Б.В. Постколониальный переход и «транснационализация» гражданства // Полис, 2004. № 5. С. 19

¹³ Боммес М. Международная миграция и дерегуляция коллективных форм социальной идентичности в национальных государствах // Миграция и национальное государство / Под ред. Т. Бараулиной и О. Карпенко. СПб., 2004. С.149.

«дифференциацией»¹⁴. Фиксируется тенденция «расщепления» института гражданства и единого гражданского статуса на три обособляющихся элемента – «коллективную идентичность», «политическое членство» и «право на социальные гарантии и выплаты».

Основные тенденции изменения модели гражданина Модерна мы сформулировали в виде оппозиций, фиксирующих воспроизводство исходных противоречий и возникновение иных. Противоречия, возникающие между нациями-государствами и транснациональными общностями, их институциональными структурами и политической культурой внутри и вне государств, выражаемые оппозициями глобализация/ локализация, интеграция/ дифференциация, национализация/ космополитизация и другими, проблематизируют воспроизводство социокультурных основ феномена европейского гражданина Модерна. Баланс самоидентичности и саморазличения личности, служивший основой «гражданской личности» в эпоху Модерна, распадается. Доминирование различия (внутреннего и внешнего) порождает кризис персональной, гражданской и национально-государственной идентичности. Все формы идентичности оказываются размытыми, фрагментарными и конструируемыми. Проблемными становятся и ментальные, и институциональные (гражданство, гражданское общество, система партийно-политического представительства, конституционный строй государства) способы воспроизводства социального качества гражданина, обеспечивающие его политическую субъектность и способность поддерживать и изменять социальные и политические институты.

¹⁴ Межуев Б.В. Указ. соч. С. 21